

DOI: 10.33184/dokbsu-2024.3.17

Автоперевод и авторизованный перевод в переводческом наследии В. Набокова

Н. М. Нестерова*, Д. Д. Курушин

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Россия, Пермский край, 614990 г. Пермь, Комсомольский проспект, 29.*

**Email: nest-nat@yandex.ru*

Статья посвящена переводческому наследию В. Набокова, вошедшего в историю перевода не только как выдающийся русско-американский писатель, писавший на двух языках, но и как переводчик и как автор собственной концепции перевода. В статье рассматриваются его автопереводы (в частности, его автобиографическая проза, представленная на двух языках – английском и русском), а также авторизованные переводы, выполненные им в соавторстве с такими переводчиками, как М. Гленни, М. Скаммелл, Д. Набоков. Сравнительный анализ данных видов перевода позволил выделить различие в подходах писателя к работе над созданием англоязычных версий своих оригинальных русскоязычных текстов в случае автоперевода и авторизованного перевода.

Ключевые слова: перевод, автоперевод, авторизованный перевод, переводческое наследие В. Набокова, переводческие приемы.

Интерес к переводческому наследию В. Набокова, уникального писателя-билингва, сегодня огромен, и это вполне закономерно. Он, действительно, оставил след во всех видах литературного перевода: традиционного межъязыкового перевода, автоперевода, авторизованного перевода и псевдоперевода. Известно, что он рано начал заниматься переводческой деятельностью, его первыми опытами стали кэрролловская «Алиса» и «Кола Брюньон» Ромена Роллана, превратившиеся под пером молодого переводчика в «Аню в стране чудес» и «Николку Персика». Позднее он сам переведет англоязычную «Лолиту» на русский язык, появится и самый известный его переводческий труд – комментированный перевод пушкинского «Евгения Онегина». Им будет сформулирована собственная концепция перевода, которая впишет его в ряды не только практиков, но и теоретиков перевода.

О набоковской концепции перевода и его переводах чужих текстов написано достаточно много. Мы попытались обратиться к его практике межъязыкового перевода собственных текстов, которую можно назвать уникальным экспериментом писателя-билингва, писателя-переводчика и теоретика перевода.

Материалом исследования были выбраны двуязычная автобиография писателя, представленная тремя версиями («Conclusive Evidence», «Другие берега» и «Speak, Memory»)

и первый роман писателя «Машенька». Как известно, автобиографическая «трилогия» является, по словам М. Э. Маликовой, блестящим примером автоперевода в обе стороны, а «Машенька» – это пример авторизованного перевода, выполненного М. Гленни при участии Набокова. Выбор именно этих текстов обусловлен тем, что «Машеньку» можно считать первой попыткой художественного воплощения воспоминаний писателя. Приведем его слова из предисловия к английскому переводу: «Читатель моих „Других берегов“ (начатых в сороковых годах) не может не заметить некоторых совпадений между моими и ганинскими воспоминаниями. Его Машенька и моя Тамара – сестры-близнецы; тут те же дедовские парковые аллеи; через обе книги протекает та же Оредежь; и подлинная фотография Рождественского дома» [1].

Начнем с автоперевода, реализованного писателем в своей автобиографии. Но прежде чем обратиться к переводу Набокова, попытаемся определить специфику автоперевода, называемого в английском языке *self-translation*, что, на наш взгляд, более точно передает сущность данного вида перевода.

Обращаясь к феномену автоперевода, первое, что нужно отметить, – это его «неизученность» или, точнее, малоизученность. В традиционном лингвистическом переводоведении автоперевод как объект изучения не был выделен, его не включали в классификации видов перевода. Интерес к нему как особому виду межъязыкового перевода появился только в последнее время, хотя первая работа в отечественном переводоведении была опубликована более 60 лет назад. Это статья А. М. Финкеля, которая так и называлась «Об автопереводе» (1962). В ней автор сравнивает традиционный перевод и автоперевод и подчеркивает, что их основное различие кроется в том, как переосмысливается переводимый текст: «Если переводчик – не автор – переосмысливает переводимое произведение, акцентирует одни элементы и приглушает другие, во-первых, в силу своей идейной, эстетической, этической и т.п. нетождественности с автором и, во-вторых, в силу перенесения произведения в иные условия (иную читательскую среду), то для переводчика-автора причины первого порядка, естественно, отпадают. Однако причины второго порядка остаются, так что переосмысление все же происходит, но в несколько ином плане: это переосмысление, так сказать, не для себя, а для других» [2, с. 104].

Со времени публикации статьи Финкеля прошло шесть десятилетий, но и сегодня практически все, кто обращаются к феномену автоперевода, подчеркивают его малоизученность, отсутствие специальной теории автоперевода. Так, В. И. Фролов в своей работе, посвященной набоковскому автопереводу романа «Лолита», пишет: «Явление автоперевода (или авторского перевода) является одним из самых неоднозначных и малоизученных» [3, с. 38]. Однако нужно признать, что сейчас ситуация меняется. В первые десятилетия XXI века появился ряд работ, в которых делается попытка выявить специфику автоперевода. Одной из таких серьезных работ явилась монография американских исследователей Яна Уолша Хокенсона (Jan Walsh Hokenson) и Марселлы

Мунсон (Marcella Munson) «The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation» [4]. Известна и работа Райнера Грутман (Rainier Grutman) и Триш ван Болдерен (Trish Van Bolderen), опубликованная в издании «A Companion to Translation Studies» [5].

В России также возрастает интерес к автопереводу, свидетельством чего является проводимая Институтом мировой литературы имени А. М. Горького конференция «Литература в зеркале автоперевода (self-translation): пути осмысления феномена» и тот постоянно пополняющийся библиографический список, который размещается на сайте института. Возросшее внимание к феномену автоперевода находит отражение и в том, что сегодня термин «автоперевод» (авторский перевод) и его дефиниции с комментариями включаются в справочно-информационные издания. Проанализируем их.

Обратимся к «Толковому переводческому словарю» Л. Л. Нелюбина, где авторский перевод определяется как «особый вид перевода. С абстрактной точки зрения – это **идеальный путь воссоздания оригинала на другом языке, ибо лучше автора никто оригинал не знает**» [6, с. 12] (здесь и далее выделение и перевод цитат наши – *Н. Н., Д. К.*).

В справочном издании ИНИОН «Основные понятия англоязычного переводоведения» отмечается, что «в случае авторского перевода, видимо, корректнее говорить **не об оригинале и переводе и их различиях, а о двух „версиях“ („вариантах“) произведения, имеющих равный статус**» [7].

Энциклопедическое издание «Routledge Encyclopedia of Translation Studies» дает следующее определение термина: «The term ‘self-translation’ can refer both to the act of translating one’s own writings into another language and the result of such an undertaking» (Термин «автоперевод» может относиться как к самому процессу перевода собственных произведений на другой язык, так и к результату такого начинания) [8, с. 20].

Приведенные дефиниции позволяют заключить, что, с одной стороны, автоперевод является идеальным способом воссоздания оригинала на другом языке, с другой стороны, возникает вопрос о его статусе: нужно ли его считать переводом в общепринятом значении слова или новой (второй) авторской версией оригинала?

Анализ теоретических работ, посвященных автопереводу, дает основание считать, что самыми обсуждаемыми вопросами являются следующие: 1) в чем заключается суть различия традиционного перевода и автоперевода; 2) можно ли считать автоперевод идеальным и самым «надежным» видом перевода; 3) можно ли считать результат (продукт) авторского перевода вторичным текстом.

Начнем с главного – различия автоперевода и традиционного перевода. Как уже отмечалось, сегодня автоперевод все больше привлекает внимание исследователей. Так, в западном переводоведении появляются все новые работы (в основном англоязычные), в которых анализируется различие этих двух типов перевода. Обратимся к диссертаци-

ционному исследованию Триш ван Болдерен «Twice Heard, Hardly Seen: The Self-Translator's (In)Visibility» (2010), выполненному в Канаде.

В данной работе одним из ключевых вопросов является, как отмечает сам автор, «distinguishing standard translation from selftranslation». Приведем фрагмент из диссертации: «The fundamental difference between standard translation and self-translation is that, while both phenomena involve two texts and two language-cultures, the former implies two writing subjects whereas the latter implies only one» (Фундаментальное различие между стандартным переводом и автопереводом заключается в том, что, несмотря на то, что оба явления связаны с двумя текстами и двумя языковыми культурами, первое подразумевает наличие двух субъектов письма, в то время как второе подразумевает только одного) [9, с. 78].

Т. Болдерен предлагает видеть в автопереводчике (self-translator) три личности (personas), а именно: 1) автора как создателя оригинала (the author persona: that facet of the self-translator that is the creator of a given text); 2) переводчика (the translator persona: that facet of the self-translator that transfers a given text into another text in another language-culture); 3) автопереводчика (the self-translator persona: that facet of the self-translator that translates one of his/her own texts into another text in another language-culture) [9, с. 78].

Такой взгляд на личность автопереводчика, несомненно, представляет интерес, поскольку в случае автоперевода, действительно, можно различить три ипостаси личности автора-переводчика. Один и тот же человек выполняет три вида творческой деятельности: 1) создает текст на одном языке; 2) переводит его на другой язык как профессиональный переводчик; 3) пересоздает (переосмысливает) свой текст как автор для читателей, принадлежащих к другой лингвокультуре.

Однако, на наш взгляд, самое главное отличие автоперевода от обычного перевода заключается в том, что в автопереводке снимается главная переводческая проблема – проблема понимания. Традиционно перевод представляется как двухфазный процесс, где первая фаза и есть восприятие и понимание исходного текста, понимание авторского замысла и языка. Именно на этом этапе возникают переводческие ошибки, вызванные недопониманием, что совершенно исключено в авторском переводе. Обратимся снова к работе А. М. Финкеля. Исследователь отмечал, что, хотя авторский и обычный перевод и имеют общие задачи (создать иноязычную версию исходного текста), но решения данных задач различны. Различие вызвано тем, что при обычном переводе переводчику необходимо понять **чужой** текст, а в случае авторского перевода **свой** собственный текст переосмысливается с ориентацией на другой язык и другую культуру. Полагаем, что для автора-переводчика самой серьезной проблемой становится проблема создания новой языковой оболочки для своего уже имеющего одну языковую форму текста. По всей видимости, нужно согласиться с В. Набоковым, пи-

савшим, что в случае перевода своего текста словарь превращается из надежного «помощника» во «вражеский стан» [10]. В этой ситуации автор-билингв остро ощущает различие языков и культур, и, видимо, поэтому Набоков называл автоперевод дьявольски трудной задачей (*diabolically difficult task*) и часто предпочитал так называемый авторизованный перевод.

Как известно, многие его русскоязычные произведения переведены в «соавторстве» (*in collaboration*) с другими переводчиками. Такими авторизованными переводами стали «Машенька» («*Mary*»), «Защита Лужина» («*The Defense*»), «Дар» («*The Gift*»), «Подвиг» («*Glorry*»), «Король, дама, валет» («*King, Queen, Knave*»), «Соглядатай» («*The Eye*»), выполненные совместно с Майклом Гленни, Майклом Скаммелом и Дмитрием Набоковым. Участие самого писателя было очень активным, о чем свидетельствуют его предисловия к англоязычным версиям названных произведений.

Знакомство с данными предисловиями [1] позволяет представить, как выполнялся такого типа перевод. Как правило, процесс перевода был длительным и роли распределялись следующим образом: переводчик готовил дословный, скрупулезно точный черновик, а автор его обрабатывал и тщательно выверял, превращая переводческий черновик в авторский чистовик. Набоков как автор и переводчик был очень требователен и к переводчику, и к себе.

Приведем фрагмент из предисловия к англоязычному переводу «Подвига»: «Настоящий перевод скрупулезно верен оригиналу. Мой сын в течение трех лет время от времени писал *черновик* перевода, после чего я три месяца готовил *чистовик* <...> это сделало нашу задачу еще более суровой» [1] (курсив В. Набокова). Нужно подчеркнуть, что черновик, который выполнялся переводчиком, должен был представлять (по словам Набокова из предисловия к роману «Король, дама, валет») «дословный английский перевод».

Как уже говорилось выше, материалом для данного исследования были выбраны двуязычная автобиография писателя, представляющая пример авторского перевода, и роман «Машенька» (1926), перевод которого на английский язык был выполнен совместно с профессиональным переводчиком М. Гленни спустя полвека после написания русского текста. Автобиография писателя и «Машенька» – это воспоминания о первых двадцати счастливейших годах в дореволюционной России, проведенных в роскошном особняке на Большой Морской и фамильных усадьбах Батово, Рождествено и Выра. Автор погружает читателя в мир тех людей и вещей, которые его окружали, которые были частью его «потерянного рая».

Набоков, как известно, обладал величайшим даром Мнемозины, не зря он приводит слова матери, которая говорила мальчику: «Вот, запомни!». И он следовал этому совету: запомнил, хранил в памяти и потом всю жизнь заставлял «память говорить», что и позволило

Брайану Бойду сказать: «Сияние личного прошлого никого не влекло к себе так, как Набокова, да и никто не вспоминал прошлого с большей, чем он, точностью» [11, с. 178].

Первое «сияние прошлого» мы видим в «Машеньке», которая создается в ранний эмигрантский период. Выше уже приводились слова писателя из его предисловия к английскому переводу этого романа, где он говорит о совпадениях его воспоминаний и героя «Машеньки». И автор, и его герой помнят одни и те же аллеи дедовских парков, те же усадьбы, ту же речку Оредеж. Приведем фрагмент из «Машеньки», описывающий усадебный мир героя:

Старый, зеленовато-серый, деревянный дом, соединенный галереей с флигелем, весело и спокойно глядел цветными глазами своих двух стеклянных веранд на опушку парка и на оранжевый крендель садовых тропинок, огибавших черноземную пестроту куртин. В гостиной, где стояла белая мебель, и на скатерти стола, расшитой розами, лежали мрамористые тома старых журналов, желтый паркет выливался из наклонного зеркала в овальной раме, и дагерротипы на стенах слушали, как оживало и звенело белое пианино. Вечером высокий синий буфетчик в нитяных перчатках выносил на веранду лампу под шелковым абажуром [12, с. 75].

Отзвуки этой картины находим в «Других берегах», написанных почти 30 лет спустя (1954)¹. Здесь те же гостиная и веранда («у нас всегда бывало много народу, потом все это перешло в гостиную или на веранду»), та же «белая усадьба на зеленом холму», тот же «дремучий парк», та же рука «в нитяной перчатке буфетчика», тот же «желтый паркет», те же гравюры на стенах.

Среди совпадений и любимое время суток – сумерки:

«И в июльский вечер Ганин нажал на железную, певучую дверь парадного крыльца и вышел в синеву сумерек. В сумерках особенно легко шел велосипед» [12, с. 66].

«Летние сумерки (сумерки – какой это томный сиреневый звук)» [13, с. 175].

Перечислять совпадения в воспоминаниях Набокова и его героя можно долго, и поиск таких совпадений – задача очень увлекательная, но нам было интересно сравнить, как этот русский усадебный мир находит отражение в англоязычных версиях, появившихся в результате авторского и авторизованного перевода.

Как известно, после русской версии автобиографии «Другие берега» В. Набоков создает вторую англоязычную версию «Speak, Memory. An Autobiography Revisited», которая, по словам самого писателя, была по сути «re-Englishing of a Russian re-version of what had been an English re-telling of Russian memories in the first place» [14, с. 2]. Анализ этой ан-

1 Первая версия автобиографии «Conclusive Evidence» была опубликована в 1951 г. «Другие берега» – это своего рода автоперевод с английского языка на русский.

глийской версии как автоперевода позволяет выявить специфику авторских переводческих приемов.

Для анализа переводческих решений автора-переводчика нами были выбраны те языковые единицы, в которых особенно выражена своего рода культурная маркированность, заключенная как в форме слова (выражения, словосочетания), так и в его особом звучании, особой звуковой окрашенности, которая для Набокова как человека, обладающего «цветовым слухом», играла большую роль в восприятии и использовании слова.

Приведем ряд таких слов и выражений, которые, на наш взгляд, не могли не вызывать трудностей в процессе, который Набоков назвал *re-Englishing*. Так, любимейшим занятием матери писателя Елены Ивановны было «хождение по грибы»; сам писатель, как уже говорилось выше, любил «летние сумерки»; буква «щ» у него такая же, как и «ш» – нечто «пушисто-сизое», но с «прожелтью»; «былинкой в поле» называл себя дядя писателя; любимый учитель Василий Мартынович обращался к Набокову-ребенку на «Вы»; по телефону Набоков слышит «бубнение»; мать его подруги Тамары снимает «дачку»; бабушка (мать отца) носит «митенки»; мальчику Набокову «сыздетства утренний блеск в окне говорил <...> только одно: есть солнце – будут и бабочки»; с помощью «взрослого домочадца» отодвигается большой диван.

Это только несколько примеров особого языка Набокова, который Андрей Вознесенский назвал «заповедным русским языком» [15].

Теперь посмотрим, как сам писатель-билингв превращал эти слова в англоязычные соответствия. В ниже приведенных примерах в скобках указаны страницы по изданию (Набоков 1990) и по изданию (Nabokov 1999).

- 1) «*Вот запомни*», – говорила она с таинственным видом... (150) – “*Vot zapomni* [now remember]”, she would say in a conspiratorial tone (33).
- 2) Любимейшим ее занятием было *хождение по грибы* (152) – One of her greatest pleasures in summer was the very Russian sport of *hodit' po gribi* (looking for mushrooms) (35).
- 3) *Летние сумерки* (сумерки – какой это томный сиреневый звук) (175) – *Summer soom-erki* – the lovely Russian word for dusk (28).
- 4) Ко мне, ребенку, он обращался на *вы*, как к взрослому (142) – When addressing me, a small boy, he used *the plural of the second person* (24).
- 5) ... дабы нечаянно не заострить хоть слабым смыслом тупость этого *бубнения* (145) – *Words of no importance...* an English or a Russian sentence (28).
- 6) ... такое же, но с *прожелтью* «Щ» (146) – Tree-stemmed Russian letter that stands for «sh» (28).

7) Очень скоро путем слежки я выяснил, где мать ее снимала *дачку*: ее скрывала рошица яблоней (258) – Very soon I traced Tamara to the modest *dachka (summer cottage)* that her family rented in the village (101).

Во всех приведенных примерах Набоков как переводчик использует один прием – транслитерацию русского слова с последующим переводом, а иногда с комментарием (пояснением). Использование такого авторского приема перевода как раз и подтверждает тезис А. М. Финкеля о том, что, переводя свой текст, автор **переосмысливает** его с позиции читателя, принадлежащего к иной лингвокультуре. Складывается такое впечатление, что Набокову хочется, чтобы его новый читатель не только понял значение слова, но и услышал его звучание.

Несомненно, транслитерация – это не единственный переводческий прием, используемый Набоковым. Часто он пользуется более традиционными приемами, находя в той или иной степени адекватную замену своему русскому «заповедному» слову. Приведем примеры:

8) С помощью взрослого *домочадца* (которому приходилось действовать сначала обеими руками, а потом мощным коленом)... (138) – With the help of *the grown-up person*, who would use first both hands and then a powerful leg... (20).

9) *Сыздетства* утренний блеск в окне говорил мне одно, и только одно: есть солнце – будут и бабочки (201) – *From the age of seven*, everything I felt in connection with a rectangle of framed sunlight was dominated by a single passion (94).

В данных двух примерах переводческие решения можно считать достаточно традиционными, ведущими к нейтрализации исходного эмотивно окрашенного слова: старинное (очень уютное) слово «домочадец» превращается в абсолютно нейтрального «взрослого человека», а разговорное устаревшее наречие «сыздетства» становится формальным указанием на возраст – «с семи лет».

В целом, английская версия автобиографии «Speak, Memory» – это во многом «русская» книга с множеством отсылок к русскому языку, который буквально «просвечивает» сквозь английский, вступает с ним в своего рода межъязыковой диалог.

Совсем другую картину мы видим в переводе «Машеньки», которая уже в заглавии становится «Mary». В предисловии к английской версии Набоков писал, что он сразу же поставил перед переводчиком М. Гленни задачу создать перевод, «верный оригиналу в той же самой мере, в какой я бы настаивал на этом, если бы текст был не моим. Здесь и речи не могло быть о беспечных, самовольных улучшениях» [1].

Приведем несколько примеров верного (точного) перевода:

«Народу набралось много: в глубине разместились мужики и бабы, посередке дачники и дачницы» [12, с. 66]. – A lot of people had turned up; the back was filled with peasant men and women, the dacha folk were in the middle [16, с. 49].

Очевидно, что данный перевод «верен оригиналу», но это тот самый английский язык, лад которого Набоков назвал «обстоятельным» в противоположность русскому – «музыкально недоговоренному». В обстоятельном английском исчезают русские «мужики и бабы», они становятся «крестьянскими мужчинами и женщинами», дачники и дачницы – дачным народом.

Особенно яркий пример – это образ сиделки, которую специально выписали к юному Ганину, когда тот заболел тифом. Вот ее описание в оригинале: «Лицо с кулачок, бабье, щербатое, с острым носиком, и ни один волосок не торчит из-под косынки» [12, с. 56]. А вот «обстоятельный» точный перевод: «She has a woman's face the size of clenched fist, rock-marked, with a tiny nose, not single hair ever peeped out of from under headdress» [16, с. 41]. (У нее женское лицо размером со сжатый кулак, изрытое, с крошечным носом, ни один волосок не выглядывал из-под головного убора). Все очень точно, но уже нет того «заповедного» набоковского языка. Переводчик Майкл Гленни следовал инструкции Автора.

Мы попытались найти «общие» слова и выражения в «Машеньке» и «Других берегах» и сравнить переводы.

Первое слово – это «сумерки», так любимое писателем. В «Машеньке» мы читаем: «И в июльский вечер Ганин нажал на железную, певучую дверь парадного крыльца и вышел в синеву сумерек. В сумерках особенно легко шел велосипед...» [12, с. 66]. В переводе этому фрагменту соответствует следующее: «That evening in July Ganin had pushed open the creaking iron front door and walked out *into the blue of the twilight*. The bicycle ran with special ease *at dusk*...» [16, с. 49].

Для перевода русского слова «сумерки» (томного сиреневого звука) используются словарные соответствия, т.е. *lovely Russian word* заменяется на английское «at dusk» и «the twilight». Однако нужно отметить, что вся фраза «walked out into the blue of the twilight» представляется очень удачным переводческим решением. Исчезло повторение, имеющееся в оригинале, и появился цвет – шагнул в синеву сумерек.

А вот русское ласковое слово «голубчик». Приведем примеры из «Машеньки» и «Других берегов» с соответствующими переводами:

«Что вы там щупаете, *голубчик*? Эти оконца не открываются» [12, с. 36]. – What are you fumbling for, *my dear fellow*? Those little vents don't open, you know [16, с. 2].

«*Голубчик*, вы не знаете ничего» [12, с. 234] – *Golubchik [my dear fellow]*, you cannot but fail – you simply don't know a thing («Speak, Memory») [14, с. 131].

Еще одно сопоставление:

– *Ах, Боже мой*, – тихо сказала Клара и попятилась из комнаты [12, с. 59]. – ‘*Good God,*’ Klara murmured, and backed out of the room [16, p. 43].

«*Боже*, где оно-все это далекое, светлое, милое!» [12, с. 270]. – “*Bozhe moy*” (*mon Dieu – rather than “My God”*) [14, p. 150].

Различие очевидно: там, где Набоков переводит сам, используется его (набоковский) прием – транслитерация и переводческое комментирование. Там, где переводит переводчик – носитель языка перевода, используются переводческие «закономерные» соответствия.

Проведенный анализ примеров автоперевода и авторизованного перевода из переводческого наследия В. Набокова дает основание дать предварительные ответы на вопросы, которые были сформулированы выше относительно автоперевода. Первый вопрос касался онтологического различия традиционного перевода и автоперевода. На наш взгляд, главное – это отсутствие в ситуации авторского перевода проблемы понимания, и, соответственно, невозможность переводческой ошибки, вызванной не(до)пониманием. Второе отличие заключается в том, что автор-переводчик, являясь билингом, способен остро ощущать межъязыковую границу и видеть свой текст в зеркале двух лингвокультур, что и позволяет ему вести своего рода межъязыковой диалог и даже межъязыковую игру в тексте перевода. Это же позволяет считать автоперевод идеальным и самым надежным переводом, как и определяют его в информационных изданиях. Вопрос вторичности автоперевода представляется наиболее дискуссионным. С точки зрения хронологии он вторичен, но мы склонны принять мнение Элизабет Клости Божур (Elizabeth Klosty Beaujour), определявшей две версии текста (оригинал и перевод) как «*avatars of a hypothetical total text*» (два воплощения одного гипотетического текста) [17, с. 112]. Другими словами, в случае автоперевода некорректно говорить о первичном и вторичном текстах, оба являются первичными, оба можно рассматривать как оригинальные тексты, что и доказывается появлением русскоязычного перевода английской набоковской версии, выполненной русским переводчиком Сергеем Ильиным. Так в русскую литературу вошел роман В. Набокова «Память, говори».

Если сравнивать с автопереводом авторизованный перевод, то нужно отметить, что последний значительно больше совпадает с традиционным переводом: есть и автор, и переводчик, не являющийся автором. Участие автора в процессе перевода может быть различным, в зависимости от желания автора, уровня его владения языком перевода. В случае такого перевода, удачно обозначенного английским выражением «*in collaboration*», перевод, конечно, нужно считать надежным и в определенной степени идеальным, но текст перевода – это уже не второй оригинал, а именно перевод, т.е. вторичный текст. Переводческое наследие Владимира Набокова включает оба вида пере-

вода – авторский (self-translation) и авторизованный (translation in collaboration). Первый он называл «дьявольски трудной задачей», второй – «суровой задачей», и обе он блестяще решал.

Литература

- 1 В. В. Набоков: pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина. СПб: изд-во РХГА 1999. URL: <https://russianway.rhga.ru/section/katalog/nabokov-v-v.html> (дата обращения: 02.07.2024).
- 2 Финкель А. М. *Об автопереводе. Теория и критика перевода*. Л.: Наука, 1962. С. 104–125.
- 3 Фролов В. И. Автоперевод романа В. В. Набокова «Лолита» // Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. №10(749). С. 38–49.
- 4 Hokenson J. W., Munson M. *The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation*. London: Routledge, 2007. 246 p.
- 5 Grutman R., Bolderen T. van. *Self-Translation / Ed by S. Bermann C. Porter. A Companion to Translation Studies*. Wiley-Blackwell, 2014. P. 323–330.
- 6 Нелюбин Л. Л. *Толковый переводческий словарь*. М.: Флинта, Наука, 2009. 320 с.
- 7 Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминологический словарь-справочник / ред. М. Б. Раренко. М.: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=132283> (дата обращения: 28.06.2024).
- 8 Baker M., Saldanha G. (Eds.). *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. 3rd ed. London: Routledge, 2019. 900 p.
- 9 Bolderen T. van. *Twice Heard, Hardly Seen: The Self-Translator's (In)Visibility*. Ottawa: Ottawa University Press, 2010. 155 p.
- 10 Шаховская З. В поисках Набокова. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/memory/shahovskaya-v-poiskah-nabokova/predislovie.htm> (дата обращения: 20.06. 24).
- 11 Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы. Биография / пер. с англ. под ред. А. Глебовской. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2004. 927 с.
- 12 Набоков В. В. (В. Сирин). Машенька. Защита Лужина. Соглядатай. Другие берега / Вступ. ст. Л. Н. Целковой; сост., коммент. Н. Г. Мельникова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. 768 с.
- 13 Набоков В. В. *Другие берега*. Собр. соч.: в 4-х тт. Т. 4. М.: Правда, Огонек, 1990. С. 118–139.
- 14 Nabokov V. *Speak, Memory. An Autobiography Revisited*. Penguin Books, 2016. 259 p.
- 15 Рузвельт П. *Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории* / пер. с англ. Н. А. Вознесенский, А. В. Вознесенский. СПб: Коло, 2008. 520 с.
- 16 Nabokov V. *Mary / Transl. by Michael Glenny in collab. with the author*. N. Y.: McGraw-Hill, 1970. 199 p.
- 17 Beaujour E. K. *Alien tongues: Bilingual Russian writers of the First emigration*. Ithaca: Cornell University Press, 1989. 263 p.

Статья рекомендована к печати кафедрой иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (д-р пед. наук, профессор Е. В. Аликина).

Self-translation and authorized translation in translation legacy of Vladimir Nabokov

N. M. Nesterova*, D. D. Kurushin

*Perm National Research Polytechnic University
29 Komsomolky ave., 614990 Perm, Perm Krai, Russia.*

**Email: nest-nat@yandex.ru*

The article focuses on the translation heritage of V. Nabokov who is known in the history of translation not only as an outstanding Russian-American writer who wrote in two languages, but also as a translator and as the author of his own concept of translation. The article examines his self-translations (in particular his autobiographical prose, presented in two languages, English and Russian), as well as authorized translations which he co-authored with such translators as M. Glennie, M. Scammell, D. Nabokov. The comparative analysis of these types of translation allowed highlighting the difference in the approaches of the writer to creating English-language versions of his original Russian-language texts in the case of self-translation and authorized translation.

Keywords: translation, self-translation, authorized translation, V. Nabokov's translation legacy, translation techniques.